

Кильмаматов Руслан Рамилевич

Kilmamatov Ruslan Ramilevich

магистрант кафедры зарубежной истории
Института истории и государственного управления
Башкирского государственного университета

Master's degree student, Department of Foreign
History, Institute of History and Public Administration,
Bashkir State University

ВЛИЯНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НАРОДОВ РЕГИОНА

THE IMPACT OF CENTRAL ASIA'S ACCESSION TO RUSSIA ON THE HISTORICAL DESTINY OF THE PEOPLES OF THE REGION

Аннотация:

В работе рассматривается влияние присоединения Средней Азии к Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. на судьбы населения региона. В имперский период удалось достичь значительных успехов. Коренные народы края получили возможность жить и трудиться в мирных условиях, земля была предоставлена им в собственность. Были отменены жестокие наказания и рабство. Появилось медицинское обслуживание, позволившее справиться с эпидемиями. Возникновение светских учебных заведений, культуры и науки в современном понимании, вхождение в общероссийское политическое пространство, толерантное отношение к этноконфессиональным традициям способствовали появлению национальной интеллигенции, росту общественно-политической и социальной активности населения. Россия провела модернизацию экономики края, что позволило вывести регион на мировой рынок. Одним из главных достижений политики России в регионе автор считает создание благоприятных условий для консолидации этносов, что способствовало формированию культуры межнационального и межконфессионального общения, своего рода туркестанского многонационального феномена.

Ключевые слова:

Россия, Средняя Азия, Туркестанский край, Русский Туркестан, исламский фактор, этнос, коренные народы, переселенцы, межнациональное и межконфессиональное общение.

Summary:

The study considered the impact of joining Central Asia to the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries on the fate of the region's population. Significant progress had been made during the imperial rule. Indigenous peoples had the opportunity to live and work in peace, and the land was given to them. Cruel punishment and slavery were abolished. Medical care had been introduced to cope with epidemics. The secular educational institutions, culture and science in the modern sense, entering into the Russian political space, tolerance towards ethnic and religious traditions contributed to the emergence of national intellectuals, the growing involvement of the population in the public and social affairs. Russia had modernized the region's economy which helped bring the region to the global market. The author considers that the creation of the favorable environment for the consolidation of ethnic groups is one of the main achievements of Russian policy in the region as it has developed a culture of inter-ethnic and interreligious communication, a kind of Turkestan multi-national phenomenon.

Keywords:

Russia, Central Asia, Turkestan Krai, Russian Turkestan, Islamic factor, ethnic group, indigenous peoples, settlers, interethnic and interreligious communication.

Вопрос о роли России в исторических судьбах народов Средней Азии, как и несколько десятилетий назад, привлекает внимание российских и зарубежных исследователей. Исторический опыт российской управленческой политики в крае по-разному оценивается представителями современного научного сообщества. При объективном, неангажированном научном подходе сложно не оценить интеграционную политику Российской империи, давшую за короткий срок реальную положительную динамику. Пренебрегая опытом этноконфессиональных отношений в Туркестанском генерал-губернаторстве, в котором большинство населения исповедовало ислам, невозможно понять истоки современных конфликтов на национальной и религиозной почве. Когда все центральноазиатские республики в 1990-х гг. провозгласили себя светскими государствами и стремились отделить религию от государства, почти сразу стали появляться исламские политические организации радикального толка. Исторический опыт предотвращения этноконфессиональных конфликтов в Русском Туркестане актуален в современных реалиях.

В республиках современной Центральной Азии появились исторические труды, авторы которых при описании фактов совместной истории во многом реанимировали концепцию «абсолютного зла», заимствованную из советской историографии 20–30-х гг. XX в. Поэтому в XXI в. имперский период истории Средней Азии трактуется как «медленный, истощающий материально, морально, духовно и культурно геноцид», когда «русские переселенцы наводнили Туркестан и захватили земли коренных жителей» и «пренебрегали интересами коренного населения, лишали его политических прав и свобод» [1]. Академик А.О. Чубарьян, комментируя подобные

взгляды, отмечает: «...Идея “ущербного самоощущения” от того, что какая-то нация какую-то часть своей истории провела в составе другого государства, только принижает саму эту нацию. Не на негативе нужно искать свою идентичность, а на позитивном вкладе в общее достояние и культуру народов» [2]. Поэтому в данной статье хотелось бы подробно рассмотреть исторический опыт Русского Туркестана.

Продвижение России в Среднюю Азию было вызвано соображениями безопасности южных границ и российских подданных, особенно кочевых казахов, постоянно подвергавшихся нападению и угону в рабство, а также противостоянием с Британией в регионе. Востоковед и генерал А.Е. Снесарев характеризует Среднюю Азию и Казахстан до вхождения в Российскую империю как регион перманентно и генетически неустойчивой государственности [3, с. 328]. Присоединение территорий Средней Азии к России шло поэтапно с 1854 по 1895 г. как военными, так и дипломатическими методами.

Туркестанский край характеризовала полиэтничная структура населения. К крупнейшим этническим общностям относились тюркоязычные узбеки и сарты, казахи и киргизы, таджики, туркмены и каракалпаки. По данным отчета первого генерал-губернатора края К.П. фон Кауфмана, «общая площадь Туркестанского края составила 1 738 918 кв. км, население – 6 492 692 человека. В сельских местностях сосредоточилось более 80 % населения, в городах – более 20 %» [4, с. 33]. Первая всероссийская перепись 1897 г. приводит следующий список «коренных» народов Туркестана: самые многочисленные – киргиз-кайсаки, их около 1 млн 900 тыс., потом сарты – около 970 тыс., узбеки – около 730 тыс., тюрки – около 400 тыс., таджики – около 350 тыс., туркмены – около 250 тыс., кара-киргизы – около 200 тыс. [5, с. 2].

Кроме указанных народов, в регионе проживали кашгарцы, таранчинцы, уйгуры, персы, курды, афганцы, малые народности Памира, бухарские евреи и др. В.П. Наливкин, один из выдающихся специалистов дореволюционной России по истории и этнографии, языкам народов Туркестанского края, почти полвека проживший в регионе, «главнейшими группами местного населения» называл «сартов и киргизов» [6, с. 5]. Присоединение Средней Азии к России положило начало новому этапу в истории народов, проживающих в регионе. Коренные народы края не утратили свое национальное и культурное своеобразие, наоборот, начался процесс их консолидации. Именно в имперский период в Средней Азии стали складываться составившие ядро этнической картины народы края: из сартов начали формироваться узбеки, окончательно оформились таджики, стали складываться в единый народ туркмены, шло формирование киргизов и казахов.

Основным фактором в регионе, который нельзя было не учитывать при проведении российской интеграционной политики, был ислам. Крупнейший российский исследователь Средней Азии В.В. Бартольд утверждал: «Оседлый житель Средней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определенного города или местности; мысль о принадлежности к определенному народу не имеет для него никакого значения» [7, с. 528–529]. Российская администрация учитывала, что господствующей религией в Средней Азии был ислам суннитского толка и что правители края, особенно бухарский эмир, воспринимали ислам как идеологическую основу своего правления. Бухара оставалась важнейшим исламским центром всего региона. Не стоит забывать, что в Средней Азии до прихода России были также шииты, исмаилиты и значительные общины бухарских евреев и индусов, но они подвергались дискриминации.

Основной парадигмой российской религиозной политики в Туркестане было продекларированное первым генерал-губернатором К.П. Кауфманом «игнорирование ислама», предполагающее «ни гонений, ни покровительства» [8, с. 207–208]. Современные отечественные исследователи называют ее политикой «позитивного нейтралитета». Российская администрация решительно пресекала любые проявления православного прозелитизма, т. е. активного обращения в христианскую веру мусульман. Духовенство по-прежнему контролировало образование и шариатские суды, не облагалось налогом все доходы мусульманского духовенства. Помимо этого, выделялись средства на удовлетворение религиозных нужд мусульман, восстановление мечетей и медресе, издание массовым тиражом Корана. Официальное мусульманское духовенство в целом признавало российскую власть и даже активно сотрудничало с ней. Представители мусульман делали щедрые пожертвования на строительство православных храмов, на поддержку нуждающимся переселенцам. З. Абдирашидов утверждает: «Духовенство, несмотря на свою консервативность, первым проявило инициативу к “новому” и стало как бы проводником между русскими и мусульманским населением. Но это сотрудничество мусульманского духовенства с официальной властью и ее представителями не было искренним, а наоборот, очень обманчивым и не всегда ясным» [9, с. 439].

Следует отметить, что в более широком понимании туркестанская администрация действовала с позиции «игнорирования» и по отношению ко всем другим конфессиям, представленным в регионе (католицизм, лютеранство, иудаизм, индуизм и др.). Православные храмы возводились в русских поселениях, «новых частях» городов и местах дислокации российских войск. В крае также

строились синагоги, кирхи и костелы. Храмы возводились на средства прихожан, и земля под их строительство выкупалась у местного населения. Такая политика России, веками живущей в ситуации этноконфессионального многообразия, была подкреплена историческим опытом. Фактически российская администрация равноуделяла основные религии края от политики и пресекала межконфессиональные трения, чтобы не провоцировать мусульман (представителей основной конфессии края) и православных (представителей господствующей религии империи) на конфликт. Менее распространенные религии не были скованы ограничениями, за исключением антигосударственной деятельности. Кроме панисламских агитаторов, ведших пропаганду газавата против России, и агитации «вредных сект» ни одна религия края, включая иудаизм, не подвергалась гонениям.

Российские губернаторы пресекали создание отдельного духовного управления для мусульман Туркестана или подчинение их Оренбургскому мусульманскому духовному управлению. К.П. Кауфман серьезным образом упорядочил процесс совершения хаджа посредством введения заграничных паспортов. Документ защищал мусульман Русского Туркестана от произвола турецких властей по пути к Каабе [10, с. 63]. Причем российская администрация относилась к паломничеству ответственно: учитывалась внешнеполитическая и эпидемиологическая ситуация на Ближнем Востоке. Количество паломников из Русского Туркестана увеличивалось, а в связи со строительством Закаспийской железной дороги оно стало еще значительнее.

Российской власти сложно было проводить процесс интеграции региона в общеимперское пространство без наличия здесь российского гражданского населения – крестьян, рабочих, врачей, агрономов, учителей, ирригаторов и др. Первоначально роль своеобразного связующего мостика играли российские мусульмане-татары, знавшие местные языки. С 90-х гг. XIX в. правительство стало поощрять переселение крестьян из центральных губерний империи в Туркестан. Большую часть переселенцев составляли русские, украинцы, белорусы, но также были армяне, немцы, поляки и евреи. В основном пришлое население проживало в появлявшихся «новых частях» городов и русских поселениях. По мнению исследователя из США А. Халида, «новые города, хорошо спланированные и построенные, не были изолированными, поскольку туркестанцы имели право и на самом деле селились в них, но тем не менее они создавали «европейское пространство», весьма отличались от старых городов, с их узкими улицами и традиционной архитектурой» [11, р. 191].

Основным лозунгом российского продвижения в Средней Азии было «умиротворение и установление гражданственности». В Туркестанском крае Россией использовался особый правовой режим – система военно-народного управления [12, с. 6]. Возглавлял администрацию генерал-губернатор, имевший высшую военно-административную власть в крае. Ему подчинялись губернаторы областей и начальники уездов, как правило, эти должности замещали кадровые офицеры. Можно поспорить с британским ученым А. Моррисоном, утверждающим, что в Туркестане не хватало компетентных чиновников [13]. Многие офицеры проходили специальные курсы при Азиатском департаменте МИДа, Лазаревском институте восточных языков и Ташкентской офицерской школе при Штабе Туркестанского военного округа. Известно, например, что генерал-губернатор Н.И. Гродеков владел местными языками и того же требовал и от своей администрации [14, с. 202].

Следуя уже нарабатанному опыту в области проведения национальной политики, российская администрация вполне успешно взаимодействовала с местной элитой. Правительство инициировало обучение детей национальной элиты в военных учебных заведениях Российской империи. Например, в Николаевском кавалерийском училище обучался Ураз-Берды, сын Тыкма Сердара, предводителя текинцев, бухарский эмир Сейид Алим-хан обучался в Пажеском корпусе [15]. Впоследствии они получали офицерские чины и награды. Деление на волости произошло в соответствии с делением по родам. Управление волостями и кварталами было возложено на представителей коренного населения. Если в ханствах Средней Азии все подданные, включая феодальную и племенную знать, были бесправны перед властью эмира и хана, то в Русском Туркестане законы защищали интересы всего коренного населения.

Также были сохранены традиционные суды, для северных степных районов судившие по адату (обычному праву), для оседлого населения юга – по шариату. Были отменены средневековые наказания: публичная смертная казнь, содержание осужденных в подземных тюрьмах, отсечение конечностей, а также неприемлемый для России налог на войну против неверных. Постепенно происходило внедрение норм российского права. Коренные жители в городах пользовались правами, аналогичными с другими регионами империи, в Ташкенте и Верном они наравне с русскими входили в состав земств.

Благодаря целенаправленным организационным мерам российской администрации в Русском Туркестане появились современная медицина, светское образование, наука в современном понимании, научный подход в изучении и использовании природных ресурсов, новые агротехнологии. Край вовлекался в общероссийский рынок, развивалось товарное хлопководство. Холера и оспа, трахома, бывшие бичом всего региона, стараниями русских врачей были побеждены [16,

с. 43]. Также удалось добиться улучшения санитарно-гигиенической обстановки в городах и селениях. Более тесному межличностному общению всех жителей края способствовали светские учреждения культуры: театры, кино, музеи, клубы, музыкальные и научные общества, газеты и журналы (в том числе на языках местного населения). Русский язык становился средством межнационального общения, в языках появились даже взаимопроникновения слов.

Русский Туркестан не был колонией, он был неотъемлемой частью Российской империи. Коренные жители могли занимать должности в администрации, учреждениях образования, в полиции и армии. Запрет на призыв во многом был уникальным явлением, но не исключал службу добровольцев – ими комплектовался, например, Текинский конный полк. Земли крестьян и кочевников, за исключением конфискованных у преступников, были в неприкосновенности, а переселенцы расселялись на пустующих государственных или на выкупленных у местных владельцев землях. Более того, правительство ограничило приток крестьян-переселенцев в край, не останавливаясь даже перед высылкой самоселов.

Особо следует отметить, что в системе образования Туркестанского края не практиковалось насильственное внедрение русских программ обучения. К.П. Кауфманом была предложена новая модель совместного обучения коренного и переселенческого населения – «русско-туземные» школы. В этих учебных заведениях наряду с местными языками и канонами ислама преподавались основы светских наук. Для обеспечения их преподавателями была создана Ташкентская учительская семинария. Новые учебные заведения должны были составить конкуренцию традиционным мусульманским школам-мактабам и медресе и обеспечить подготовку кадров для местной администрации. По словам известного туркестановеда И.В. Волкова, «в 1871 г. в Самарканде функционировала так называемая Русская гражданская школа, в которой учительствовал рядовой 9-го Туркестанского линейного батальона Солтанов. Он обучал десятерых детей-мусульман, семерых евреев и трех индусов» [17, с. 153].

Вхождение Средней Азии в состав Российской империи способствовало вовлечению народов, проживающих в регионе, во внутриимперские политические процессы. По словам Ю.А. Лысенко, «в целом общественно-политическое движение в Туркестане было представлено организациями и филиалами российских партий, выражавших интересы различных социальных групп населения» [18, с. 103]. Из общероссийского мусульманского культурно-просветительского и общественно-политического движения джадидов (новометодников) вышли туркестанские джадиды. На волне внедрения светского образования в регионе они добивались в Туркестанском крае истинного просвещения мусульманского населения – приобщения его к современным наукам. Джадиды стали инициаторами и организаторами новометодных мусульманских школ. Их идеологические противники «кадимисты» были сторонниками старого мектебного образования. Известный ученый из Узбекистана Д.А. Алимova отмечает: «...Прекрасные знатоки исламской теологии джадиды устремляли свои взоры на Запад, и особенно на Россию. Русская культура оказала огромное влияние на джадидов, и это влияние проявилось в просветительской работе: новометодных школах, театральных группах, быте, одежде, архитектуре домов» [19].

Как справедливо отмечает С. Губаева, «...экономический подъем, который начался в Туркестане с приходом русских, появление здесь прогрессивно настроенных интеллигенции (среди которой, кстати, немало было и представителей царской администрации) и рабочих – все это не могло не оказать положительного влияния на приобщение народов Туркестана к русской, а через нее – к общеевропейской культуре, а значит и на сближение народов» [20, с. 3].

Пять десятилетий существования Русского Туркестана стали эпохой этноконфессионального мира и согласия. Край не был колонией, он был полноценной частью Российской империи, и действующие законы защищали интересы всего населения. В Туркестане были созданы условия для постепенной модернизации и развития этносов региона – без насильственной русификации, без коренной ломки мусульманских ценностей и традиционных институтов. Система военно-народного управления органично интегрировала местные элементы управления, при этом постепенно вводилось общеимперское законодательство, включая земства. Коренные жители могли занимать должности в полиции и армии (служба добровольцами в Текинском конном полку или окончив военные училища). Религиозная политика, кроме «игнорирования ислама», пресекала попытки межконфессиональной вражды и активного миссионерства. Благодаря России край был вырван из периода изоляции и регресса, наступившего после угасания Великого шелкового пути, регион вышел на общероссийский и мировой рынок, внедрялись элементы светского образования и культуры. Традиционная национальная политика Российской империи при освоении и модернизации Русского Туркестана продемонстрировала свою эффективность, несмотря на отдельные просчеты, что подтвердилось стабильностью ситуации в крае вплоть до событий 1916 г. и последующих революционных событий.

Ссылки:

1. Алымбаев Ж.Б. Историография завоевания Туркестана Россией XIX – начало XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2001. 32 с. ; Данияров К. История Казахского государства XV–XX вв. Ч. 1. Алматы, 2000. С. 10 ; Исмаилова Ж.Х. Национально-освободительное движение в Туркестане в начале XX в. Ташкент, 2002. С. 3.
2. Чубарьян А.О. Как нам собрать свою историю // Российская газета. 2008. 18 июля.
3. Цит. по: Ивашов Л.Г. Геополитика русской цивилизации / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2015. 800 с.
4. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 1867–1881. СПб., 1885. С. 33, 207–208.
5. Цит. по: Абашин С.Н. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии («проблема сартов» в XIX – начале XXI в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 53 с.
6. Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. 144 с.
7. Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. 658 с.
8. Проект всеподданнейшего отчета ... С. 207–208.
9. Абдирашидов З. Мусульманское духовенство и русская администрация Туркестана: сотрудничество ради «цивилизации»? (на примере материалов газеты «Таржуман») // Ислам в мультикультурном мире: мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве : сб. ст. / отв. ред. Д.В. Брилев. Казань, 2014. С. 438–448.
10. Литвинов В.В. Хадж мусульман Туркестана в период устройства царской власти в регионе (1865–1870-е гг.) (по архивным и правовым материалам) // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2014. Т. 14, № 11. С. 58–63.
11. Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley (California) ; L., 1998. 400 p.
12. Тухтаматов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX в.: Историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 42 с.
13. Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. N. Y., 2011. 364 p.
14. Туркестан в имперской политике России : монография в документах / отв. ред. Б.М. Бабаджанов, Т.В. Котюкова и др. М., 2016. 880 с.
15. Котюкова Т.В. «К воинской повинности они питают непреодолимое отвращение». На рубежах Российской империи // Военно-исторический журнал. 2010. № 12. С. 55–61.
16. Пясковский А.В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1959. № 8. С. 21–46.
17. Волков И.В. Власть и мусульманская школа в Русском Туркестане (1867–1881 гг.) // Власть. 2017. № 1. С. 148–155.
18. Лысенко Ю.А. Социально-политическое движение в центральноазиатских окраинах Российской империи накануне революции 1917 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2 (90). С. 101–108. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2016\)2-17](https://doi.org/10.14258/izvasu(2016)2-17).
19. Алимова Д.А. История Узбекистана начала XX в. в контексте евразийских процессов // Россия – Узбекистан: история и современность. Спецвыпуск. М., 2008. С. 26–38.
20. Губаева С. Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX в. (этнокультурные процессы). Ташкент, 1991. 127 с.

References:

- Abashin, SN 2009, *Ethnographic knowledge and national structure in Central Asia (the Sarts issue in the 19th – early 21st centuries)*, D.Phil. thesis abstract, Moscow, 53 p., (in Russian).
- Abdirashidov, Z & Brilev, DV (ed.) 2014, 'The Muslim clergy and the Russian administration of Turkestan: is it cooperation for the sake of civilization? (by a case study of the Tarzhuman newspaper)', *Islam v mul'tikul'turnom mire: musul'manskiye dvizheniya i mekhanizmy vosproizvodstva ideologii islama v sovremennom informatsionnom prostranstve: sb. st.*, Kazan, pp. 438–448, (in Russian).
- Alimova, DA 2008, 'History of Uzbekistan in the early 20th century in the context of Eurasian processes', *Rossiia – Uzbekistan: istoriya i sovremennost'. Spetsvypusk*, Moscow, pp. 26–38, (in Russian).
- Alymbaev, ZhB 2001, *Historiography of the conquest of Turkestan by Russia in the 19th – early 20th centuries*, PhD thesis abstract, Tashkent, 32 p., (in Russian).
- Babadzhanov, BM & Kotyukova, TV (et al.) (eds.) 2016, *Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in the documents*, Moscow, 880 p., (in Russian).
- Bartold, VV 1964, *Works*, Vol. 2, Part 2, Moscow, 658 p., (in Russian).
- Chubaryan, AO 2008, 'How do we collect our history', *Rossiyskaya gazeta*, July 18, (in Russian).
- Daniyarov, K 2000, *History of the Kazakh state of the 15th-20th centuries*, Part 1, Almaty, p. 10, (in Russian).
- Gubaeva, S 1991, *The population of the Fergana Valley in the late 19th – early 20th centuries (ethnic and cultural processes)*, Tashkent, 127 p., (in Russian).
- Ismailova, ZhKh 2002, *The national liberation movement in Turkestan in the early 20th century*, Tashkent, p. 3, (in Russian).
- Ivashov, LG & Platonov, OA (ed.) 2015, *Geopolitics of Russian civilization*, Moscow, 800 p., (in Russian).
- Khalid, A 1998, *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*, Berkeley (California), London, 400 p.
- Kotyukova, TV 2010, 'They loathe the compulsory military service. At the turn of the Russian Empire', *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, No. 12, pp. 55–61, (in Russian).
- Litvinov, VV 2014, 'Hajj of Muslims of Turkestan during the tsarist power established in the region (1865 – the 1870s) (based on archival and legal materials)', *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo slavyanskogo universiteta*, Vol. 14, No. 11, pp. 58–63, (in Russian).
- Lysenko, YuA 2016, 'Socio-Political Movement in the Russian Central Asia Outskirts on the Eve of the Russian Revolution of 1917', *Izvestiya of Altai State University Journal*, No. 2 (90), pp. 101–108. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2016\)2-17](https://doi.org/10.14258/izvasu(2016)2-17).
- Morrison, A 2011, *Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India*, New York, 364 p.
- Nalivkin, VP 1913, *The natives used to be and now*, Tashkent, 144 p., (in Russian).
- Pyaskovsky, AV 1959, 'Concerning the progressive significance of the annexation of Central Asia to Russia', *Voprosy istorii*, No. 8, pp. 21–46, (in Russian).
- The project report of Adjutant General K.P. von Kaufmann I on civil administration and structure in the areas of the Turkestan Province in 1867-1881* 1885, St. Petersburg, pp. 33, 207–208, (in Russian).
- Tukhtametov, FT 2003, *The legal status of Turkestan in the Russian Empire in the second half of the 19th century: a historical and legal research*, D.Phil. thesis abstract, Moscow, 42 p., (in Russian).
- Volkov, IV 2017, 'Power and the Muslim School in Russian Turkestan (1867-1881)', *Vlast'*, No. 1, pp. 148–155, (in Russian).